

Вильгельм Кюхельбекер

Сирота

Вильгельм Карлович Кюхельбекер
Сирота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=211192460101

Содержание

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ	11
РАЗГОВОР ВТОРОЙ	21
РАЗГОВОР ТРЕТИЙ	36
РАЗГОВОР ЧЕТВЕРТЫЙ	51
РАЗГОВОР ПЯТЫЙ	72

Вильгельм Кюхельбекер

СИРОТА

1

Из тишины уединенья
Туда несется мой привет,
Туда, в обитель наслажденья,
Под кров, где ты, не раб сует,
Любовь и мир и вдохновенья
Из жизни черпаешь, поэт, —
Там ты на якоре, и бури
Уж не мрачат твоей лазури.

2

За друга и мои мольбы
Горе парили к пресвятому —
И внял отец, господь судьбы:
Будь слава промыслу благому!
Из грозной, тягостной борьбы
С венком ты вышел... Что и грому
Греметь отныне? был свиреп;
Но ты под рев его окреп.

3

Тот, на кого я уповаю,
Меня услышит. — Дан ты в честь,
В утеху дан родному краю;
Подругу-ангела обрести
Умел ты, — и, подобно раю,
Отныне дням поэта цвешь.
Расторг ты козни вероломства, —
Итак — вперед, и в слух потомства

4

Пролейся в песнях вековых!
Талант, любимцу небом данный,
В унылой ночи недр земных
Да не сокроется. — Избранный!
Пример и вождь певцов младых!
В эфир свободный и пространный
Полет тебе ли не знаком? —
Вперед же доблестным орлом!

5

А я? — надеждою одною
На мощь и силу друга смел,
Страшусь стремиться за тобою;
Не светлый выпал мне удел, —
Но, брат, и я храним судьбою,
Вотще я трепетал и млея;
Целебна чаша испытанья,

Восторга не зальют страдания.

6

Еще не вовсе я погас,
Не вовсе песни мне постыли,
И арфу я беру подчас,
Из гроба вызываю были,
И тело им дает мой глас;
Мечты меня не позабыли, —
Но не огонь мой малый дар,
Он под золою тихий жар.

7

Что нужды? — Жар сей благодатен:
Я им питаем и живим;
И дружбе будет же приятен
Смиранный цвет, рожденный им!
Пусть будет голос мой невнятен
Сердцам, с рождения глухим!
Не посвящаю песни свету,
Но сердцу друга, но поэту.
Вы знаете, любезные друзья,
Владею шапкой-невидимкой я:
На край моей безмолвной колыбели
Однажды возле лиры и свирели
Младенцу мне в гостинец положил
Ту шапку ангел песней — Исфраил.

Подарком дивным поделюсь с вами:
Пойдемте! — Окруженный деревьями,
Вы видите ли скромный и простой,
Красивый домик? — Пыли городской,
И духоты, и суеты, и зноя
Нет в околотке: здесь приют покоя,
Прибежище отрадной тишины,
Предместье; здесь, с полями сближены,
В соседстве царства матери Природы,
Живут счастливыцы! — Месяцы и годы
Текут для них без тех незапных бурь,
Которые так часто тьмят лазурь
Там, где дворцы вздымаются до неба.
Так, — горе есть и здесь; но лишь бы хлеба
Довольно было, лишь бы ремесло
Без остановки, без помехи шло, —
Жилец предместья весел и доволен.
Он не бывает честолюбьем болен;
Священ ему прапрадедов закон;
Коварства и пронырств не знает он,
Не терпит новизны, не любит шуму;
Повинности спокойно вносит в думу
И, будни посвятив благим трудам,
Надев кафтан получше, в божий храм,
С благоговейной ясною душою,
По дням воскресным ходит всей семьею.
Здесь всех знатнее старый протопоп;
По нем аптекарь Яков Карлыч Оп,
Почтенный муж, осанистый и важный.

Богат: над всем кварталом двухэтажный,
Украшенный сияющим орлом,
Возносится его надменный дом
Над всеми возвышается челом,
Огромный ростом, сам аптекарь тучный.
Но петь его потребен голос звучный,
А в лавреаты не гожуся я
Не лучше ль познакомить вас, друзья,
С владельцем смиренного жилья,
Перед которым мы сначала стали?
Минувшие страданья и печали,
Блаженство настоящее его
Вам расскажу я... Впрочем, для чего?
У вас же шапка! так покройтесь ею,
Войдите... Поручиться вам не смею,
Но примете и вы участие в том,
Быть может, что там, сидя вечерком
С своей хозяйшкой за самоваром,
Ей повествует с непритворным жаром
Без пышных слов и вычур наш герой
По крайней мере, вижу, как слезой
Глаза ее лазоревые блещут,
Как вздохом перси верные трепещут,
И с мужа взоров не сведет она.
Вы скажете: «Не мудрено: жена!» —
Положим; все ж послушайте. А прежде
Узнать нельзя ли по его одежде,
Или по обращению с женой,
Или по утвари, — кто наш герой?

Софа, в углу комод, а над софой
Не ты ль гордишься рамкой золотою,
Не ты ль летишь на ухарском коне,
В косматой бурке, в боевом огне,
Летишь и сыплешь на врагов перуны,
Поэт-наездник, ты, кому и струны
Волшебные и меткий гром войны
Равно любезны и равно даны?
С тобою рядом, ужас сопостатов,
Наш чудо-богатырь, бесстрашный Платов.
Потом для пользы боле, чем красы,
Простой работы стенные часы;
Над полкой с книгами против портретов
Кинжал и шашка с парой пистолетов;
Прибавьте образ девы пресвятой
И стол и стулья. — «Кто же он?» — «Постой!
Чубук черешневый, халат бухарский,
Оружье, феска, генерал гусарский
И атаман казачий... Об заклад...»
Кто спорит? я догадке вашей рад:
Да! он в наряде стройном и красивом
Еще недавно на коне ретивом
Пред грозным взводом храбрых усачей
Скакал, но, видно, суженой своей
Не обскакал: в отставке. — До сих пор
Введение; теперь же разговор,
Который бы остался вечной тайной,
Но мужа и жену за чашкой чайной
Подслушаем. Спасибо! шапка нам

Сослужит службу... Тише! по местам!

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

Муж

Не знал я без тебя прямого счастья,
Однако от трудов и от ненастья,
От хлопот нашей жизни кочевой
Не унывал: без страха мчался в бой;
В манеж же, в караул и на ученье
Ходил без ропота на провиденье
И всеми был любим. — Короче, мне
(Тебя еще не встретил) и во сне
Желанье благ иных не приходило.
Итак, давно уже мое светило
Без облак катится. Но был же рок
Когда-то, Саша! и ко мне жесток:
Любезных мне забвение и холод,
Печаль и рабство, стыд и боль, и голод,
И бешенство бессилья, и тоска
О днях минувших, лучших — в новичка
На поприще земного испытанья,
В ребенка, друг мой, пролили страданья
Такие, от которых, наконец,
Когда бы не помог мне сам творец,
Когда бы видимой не спас десницей
Безумца, — я бы стал самоубийцей.
Саша

Меня приводишь в ужас... бог с тобой!

С твоей ли было твердою душой...

Муж

Я был тогда ребенком, друг любезный,

Лет девяти. — Суровый, но полезный,

Судьбою данный мальчику урок

Был мне, быть может, в самом деле, впрок.

Но расскажу без предисловий дальних

Тебе я повесть этих дней печальных,

А впрочем, благотворных. Только мне

Сперва недурно о моей родне

Упомянуть немногими словами.

С рубцом над бровью и двумя крестами,

Сухой, высокий, бледный мой отец

Был, говорят, когда-то молодец,

Суворовский, старинный, храбрый воин.

Но, ранами в здравии расстроен,

Дожив в походах славных до седин,

Он вышел, взяв полковнический чин,

В такую должность, где и средь покоя

Усердье престарелого героя

Могло еще служить родной стране.

В Житомире (как это слово мне

И ныне сладостно, и ныне свято!

Там тело старика землей приятно,

Там некогда старик любил меня,

Он там женился: позднего огня

Не избежал и напоследок власти

Всесильной, целый год таимой страсти

Был должен уступить: «Жених-то сед, —
Так рассуждал расчетливый мой дед,
Да бодр еще, а главное полковник».
Его согласие получил любовник,
И невзирая на различье лет,
И матушка не отвечала «нет».
Но мил же Дездемоне был Отелло?

Саша

Итак, любезный, сбыточное дело...

Муж

Увидим, Саша. Стали под венец
Она в шестнадцать, в шестьдесят — отец.
Вот я родился. Время шло, и вскоре
И я уже в его унылом взоре
Любовь ко мне — и горесть мог читать.
«Дитя мое, да будет благодать
И милость божия всегда с тобою!» —
Так, над моей склоняся головою,
Шептал нередко добрый мой старик;
И в сердце, в душу голос мне проник,
С которым он слова благословенья
Произносил; тот голос и в сраженья,
И в бури жизни провожал меня.
Однажды (помню) он, почти стена,
Прибавил: «Тяжело, Егор, с тобою
Расстаться! без меня ты сиротою
Останешься. Жаль мне тебя; но мать
Обязан ты любить и почитать». —
Младенец, я не понимал причины

Живой, страдающей его кручины,
Да знаю, что слезами залился.

Саша

А матушка?

Муж

И на нее нельзя

Пенять мне: и она порой мне ласки

Оказывала, выхваляла глазки,

Расчесывала локоны сынка;

Случалось даже, купит мне конька,

Ружье, картинку, саблю жестяную.

Ее, прекрасную и молодую,

Веселую, любил сердечно я.

Но только редко маменька моя

Решалась с нами оставаться дома:

Была со всеми в городе знакома,

У ней в поветах было тьма родни,

Вот почему отец и я одни

Не час, не день, а целые недели

В тоске, случалось, без нее сидели.

Саша

Души в ней не было.

Муж

Не говори:

Не полночи подругой быть зари;

Не может быть товарищем мороза

Зефирами лелеянная роза...

Признаться, сам старик был виноват.

Однако же клонилось на закат

В туманах скорби дней его светило:
И вот его бессилье победило,
И уж ему навряд ли встать с одра.
А матушку какая-то сестра
Двоюродная (правда, что некстати)
Почти насильно от его кровати
Отторгла и в деревню увезла.
Когда ж назад их осень привела,
Тогда нашла беспечная супруга
Свободного от горя и недуга,
Забот и жизни — мужа своего.
Дворецкий, бывший денщиком его,
Дрожащею от дряхлости рукою
Закрыв ему глаза; один со мною
Почтил слезами барина Андрей...
Но нет! домой приехав из гостей
И батюшку увидев без дыханья,
На тело с воплем громкого рыданья
И матушка поверглась. Друг, — не зла,
А только легкомысленна была
Сердечная: да будет мир и с нею!
Я жизнь тебе ручаться смею,
Что, непритворной горести полна,
Тужила по покойнике она.
Саша
Охотно верю; люди близоруки:
Сопутникам наносят часто муки,
Нередко желчью упоют их;
Но голос тружеников вдруг затих:

Они спаслись под землю от терзання
И, в очередь свою, полны страданья,
Раскаянья бесплодного полны
Мучители. — Тяжелый долг вины
Неискупимой искупить любовью,
Уже ненужной, — счастьем, плачем, кровью
Желали бы; да опоздал платеж;
А совесть вопиет и на правез
Зовет и все зовет, не умолкая;
Не вняли ей, а вот сама глухая,
И ей невнятен бесполезный стон.

Муж

Ты, Саша, мой домашний Масильон.
Но продолжаю. О своей печали
Скажу, что наши родственники стали
Твердить мне: «Всем нам должно умирать»;
Ну, полно хныкать! убиваешь мать
Такою безрассудною тоскою.
Их я пугался; да мне всей душою
Хотелось кинуться в объятья к ней
И вместе выплакаться; от людей,
От ней я между тем свое страданье
Скрывать был должен, словно злодеянье.
Один — меня не мучил мой Андрей:
От наших рассудительных друзей
В каморочку под крышею к Андрею
Бегу, бывало, и к нему на шею,
Рыдая, брошусь. Он меня возьмет,
Посадит на колена, мне утрет

Цветным платком глазенки, лоб малютки
Сквозь слезы перекрестит. Прибаутки,
Пословицы его хотя просты,
А были вдохновеньем доброты,
Душевной теплоты плодом отрадным;
И мне ль забыть, с каким участием жадным
Я слушал усача, когда он мне
Повествовал о русской старине,
Когда мне исчислял свои походы?
Я с ним в былые уносился годы:
С Суворовым и батюшкой и с ним
Сражал врагов и был неустрашим.
Разбиты все: французы, турки, шведы...
Как часто после радостной победы,
Утешенный, я погружался в сон!
Тут на руках снесет, бывало, он
И бережно меня с крыльца крутого,
Так, чтоб отнюдь дитяти дорогого
Не разбудить, меня уложит сам
И на чердак воротится к мышам
И к одиноким, пасмурным мечтаньям.
Но, друг, предался я воспоминаньям,
А повесть главную забыл совсем.
Он продолжать хотел, но между тем
Раздался с громким кашлем голос звучный, —
И Яков Карлыч, наш знакомец тучный,
С любезной дочкою ввалился в дверь.
Здесь, братцы, делать нечего теперь:
В осаде держит нашего героя

Почтенный Оп и нам уже покоя
Не даст сегодня; Саше за визит
Он отплатить пришел и просидит
До полночи; газеты мы услышим,
Политику... Нет, лучше мы подышим,
Тихонько пробираясь домой,
Под вольной твердью, покровенной тьмой,
Прохладой сладостной и животворной!
Лазурь подернута завесой черной;
Но стройный, молчаливый сонм светил
Из-за нее окрестность осребрил;
Глядят на нас бесчисленные очи
Таинственной и необъятной ночи;
Меж искрами, которым нет числа,
Сияет, величава и светла,
Лампада божия, луна золотая;
Вблизи, вдали, приветливо мерцая
И словно с звездами вступая в спор, —
Иные звезды... Сколько дум неясных!
Сдается мне, язык огней безгласных
Я слушаю; тот шепчет: «Бури нет
Здесь, где трепещет мой отрадный свет,
Здесь радость, и любовь, и мир душевный»;
Другой: «Мой блеск и тусклый и плачевный
Больного озаряет скорбный одр»;
А третий: «Здесь, трудолюбив и бодр,
Питомец мудрости, любимец славы
Читает блага вечные уставы
И созерцает образ красоты,

Витающей там выше суеты».
Все под навесом мирового свода
Кругом умолкло: стихнул шум народа,
И шум дерев, и шум уснувших вод;
Лишь инде запоздалый пешеход
(По твоему, Жуковский, выраженью)
Идет, своей сопутствуемый тенью.
В такую ночь ужель не вспомню я
Вас, братья, юности моей друзья.
Плетнев! внимая песням музы нашей,
Твои пенаты нас за полной чашей
Любили видеть... Были ночи те
Подобны этой: в общей темноте,
Немой, глубокой, от тебя, приятель,
Как часто я, неопытный мечтатель,
По улицам, давно уснувшим, брел...
А дух мой там ширялся, как орел,
За оными блестящими мирами,
Летал за нерожденными летами
И силился сорвать завесу с них...
Но тщетно; радостей и снов моих
Судьба жалела: свяли б от дыханья
Тлетворного, убийственного знанья,
Как от сеймума бархат вешних трав.
Увы! унылый жребий свой узнав,
Я не сберег бы тишины сердечной,
Уже не мог бы и тогда, беспечный,
Играть с суровой жизнью. Будь хвала
Тебе, благая! в мрак ты облекла

Грядущее; посол твой — заблужденье
И мне же уделило наслажденье;
Пусть срок блаженства краток был и мал,
Но все ж и я в Аркадии живал.

РАЗГОВОР ВТОРОЙ

Сегодня обойдемся без введения...
Прекрасный сын живого воображенья,
Мой Ариель! ковер твой самолет
В два мига нас в предместье унесет...
Вот мы уселись; обнялись руками,
Взвились; а народ кипит под нами
И нас не замечает среди хлопот;
Иной и взглянет мельком, но и тот
Не удивится, искренно жалея
Изрезанной бумаги, скажет: «Змея
Опять пускают чьи-то шалуны»;
И мимо. — Между тем, привезены
В повозке чудной к самому порогу
Гусара нашего, мы понемногу
Спускаемся, спустились. Вот и в дом
Уже прокрались, как вчера, тайком,
И вот же насладимся на досуге
Тем, что насмешливый супруг супруге
Об их вчерашнем госте говорит:
Муж
Сказать, что Яков Карлыч наш сердит;
Немилосердно бедных турок губит,
В самом Стамбуле режет их и рубит,
Пардона не дает им. — Право, жаль,

Что тяжело ему подняться в даль,
Что богатырь он слишком полновесный;
А то бы...

Саша

Добрый человек и честный...

Муж

Кто спорит? — да и тактик он чудесный,
Политик редкий!

Саша

Друг ты мой, Егор!

Послушай: если б отложил ты вздор
И досказал мне начатую повесть!..

Муж

Спасибо: вспомнила! Признаться, совесть

Тихонько шепчет мне, что и домой

Я, повести рассказчик и герой,

Затем единственно пришел поране;

Но только думал я в почтенном сане

И эпика и витязя: «Пускай

Сперва меня попросят!» — Впрочем, знай,

Был несколько похож я на поэта,

Который, автор нового сонета,

Войдет в собрание, детищем тягчим,

Вот сел с улыбкой... (Примечай за ним!)

Вдруг будто невзначай словцо уронит:

«Был занят я...» О модах речь; он клонит,

Но хитро, неприметно, разговор

К словесности, — виляет до тех пор,

Пока не спросишь: «Есть ли, друг сердечный,

У вас новинка?» — Что же? тут, беспечный,
Рассеянный, он пробормочет: «Нет;
А ежели б и было, — так, сонет
Или баллада, — пустяки, безделки!..
В них надлежащей нет еще отделки, —
Один эскиз, набросанный слегка.
Однако ж!» — И злодейская рука
Уже в кармане шарит.

Саша

Эпизоды,

Мой друг, и даже лучшие, — уроды,
Когда некстати.

Муж

Воздержусь от них.

С приютом дней младенческих моих
В своем рассказе я расстанусь вскоре:
Из пристани мой челн отвалит в море,
Из родины помчуся в град Петра.

«В кадетский корпус молодцу пора!» —
Так, на меня преравнодушно глядя,
Однажды объявил какой-то дядя,
Который прежде в дом наш не ездил.
«Помилуйте! ребенок слишком мал!» —
Сказала матушка, меня лаская.

Но вот прошла неделя и другая, —
И уступила матушка родне:
И вдруг дорогу объявили мне.
Самой ей ехать было невозможно:
Как тайну ни хранили осторожно,

Проговорился кто-то из людей,
И я узнал, что маменьке моей
Земляк-помещик предлагает руку,
Что потому она и на разлуку
Со мной решилась. Горько плакал я,
Скорбела детская душа моя
Недетской скорбью. Я молчал, но взоры
Ребенка выражали же укоры;
А иначе зачем бы на меня
Взглянуть было нельзя ей без огня
Румянца быстрого и без смущенья?
Сдавалось, что пощады и прощенья,
Раскаянья и горести полна,
У сына просит с робостью она.

Саша

Несчастливая! о ней почти жалею,

Но с кем же ты поехал?

Муж

Казначей

Стоявшего в Житомире полка,

Поручику, который сдалека

В родстве с роднею нашею считался

И по делам в столицу отправлялся,

Ему, чужому, на руки отдать

Дитя свое уговорили мать,

Любившую меня, но молодую.

Она вдалась в доверенность слепую

Не стоившим доверенности.

Саша

Да!

Но как, пускай была и молода,
Ей заповеди не понять священной,
Всем матерям понятной, неперменной,
Вложимой богом в сердце, в душу, в кровь
Всех матерей? — Не годы, а любовь,
Не мудрость и не опытность, а чувство
Вдыхает в нас нехитрое искусство,
Однако недоступное уму:
Всем жертвовать дитяти своему.

Муж

Поручик мой был, впрочем, славный малый:
Пехотный франт, развязный и удалый,
С размахкой и поднявши плечи, он
Умел отвесить барышням поклон;
«Я все сидел-с», — умел сказать с улыбкой,
Когда попросят сесть; жилет ошибкой,
Случалось, расстегнуть, но не затем,
Чтоб выказать, как уверяли, всем
Узорчатый платочек под жилетом.
Обласканный большим и малым светом
Житомирским, любезен был, речист,
Играл в бостон, а иногда и в вист
С товарищами, даже в банк грошовый.
Майора-банкомета лоб суровый
За картами смутить его не мог;
Он полагал: «Владеет смелым бог!» —
«Атанде и плюэ!» — кричит, бывало.
И не робеет. — Этого все мало:

Бренчал и на гитаре молодец;
И должен же сказать я, наконец,
Что он, хотя и сам не сочинитель
И не знаток, а был стихов любитель
И толстую для них тетрадь завел.
Он, я, денщик и пудель их Орел
Уселись в старой дедушкиной брычке.
Не подарил (у дедушки в привычке
Дарить что не было), но, чтоб свое
Явить усердьё, наш старик ее
За что купил, за то и продал дочке.
Простились, тронулись. При каждой кочке
Я охал; но смеялся ментор мой;
Я охать перестал. Тебе иной
Весь описал бы путь свой до столицы:
Поэт приплел бы к былям небылицы;
Смотрителей станционных юморист
На сцену вывел бы; статистик лист
Итогами наполнил бы. Но мне ли
Бороться с ними? — Скоро долетели
До Петербурга мы, — и ничего
Достойного вниманья твоего
Со мною не случилось дорогой.
Зато по истине, и самой строгой,
Вдруг закружилась голова моя,
Когда увидел напоследок я
Тот город величавый и огромный,
Перед которым наш Ж<итомир> скромный
Явился мене деревушки мне.

Не знал я: наяву ль или во сне
Смотрю на эти пышные громады?
По ним мои восторженные взгляды
Носились и терялись; мне дворцом
Едва ли не казался каждый дом,
Все улицы казались площадями,
Портные и сапожники князьями
И генералом каждый офицер.
Я рад, что не писатель; например:
Мой первый въезд мне не прошел бы даром,
Блеснуть умом и новизной и жаром
Тут непременно был бы должен я.
Но, к счастью, ты вся публика моя:
От вычур описательных уволишь.

Саша

Охотно! и напомнить мне позволишь:
Быть может, остроумны и красны,
Да, признаюсь, не слишком мне нужны,
Не по нутру мне эти отступленья.

Муж

Друг, не моя вина, а просвещенья
Всеобщего. — В Гомеров грубый век
Ребенком был и — глупым человек:
Ребенку нянюшка-Гомер без шуток,
Без едких выходок и прибауток
Рассказывает дело. — Но теперь,
Когда для всех раскрыта настезь дверь,
Ведущая в святыню умозрений,
Когда где только школа, там и гений,

Где клоб, там Аристарх или Лонгин,
Когда от слишком мудрого народу
Нигде нет места, нет нигде проходу, —
Теперь...

Саша

Остриться авторы должны?

Да ты не автор.

Муж

Все увлечены

Потоком общим: я — за авторами!

Однако только дай проститься с нами

Поручику, и мне не до острот,

Конечно, будет. — Бремя всех забот,

С моим определеньем неразлучных,

Он принял на себя; но своеручных

В том не дал обязательств; сверх того

Хлопот довольно было у него

И собственных, довольно и по службе, —

Итак, о том, что обещал по дружбе,

Где ж было вспомнить? — Впрочем, и меня

Он вспомнил же. Последнего коня

Уж на дворе впрягали в брычку нашу:

Он собрался в обратный путь, и чашу

С ним разделял, прощаясь, аудитор...

Гость был ему приятель с давних пор,

Ученый муж, краса всем аудиторам,

Но отставной: в полку по наговорам

Не мог остаться умный сей юрист;

Злодеи, будто на руку не чист

И пьет запоем, на него всклепали;
И что же? — к сокрушенью и печали
Житомирских шинкарок, приказали
Ему подать в отставку. Он, подав,
Твердил жидовкам: «Видите, я прав;
Меня не замарали в аттестате».
— «Полковник пожалеет об утрате
Дельца такого!» — молвили оне,
Но вдруг не стало в нашей стороне
Питомца Вакха, Марса и Фемиды:
Фортуны легкомысленной обиды
Его не испугали; бодр и смел,
За нею он в Петрополь полетел, —
Вот почему с ним встретился случайно
Поручик мой и рад был чрезвычайно.
Не менее был и приятель рад;
Он думал так: «Мне настоящий клад
Судьбою послан в этом казначее!
Пока меня не выгонит по шее
(Ходить и в дождь и в слякоть мне не лень),
К нему являться стану каждый день.
Он малый глупый, добрый, не сердитый;
Но если бы и вздумал, даже битый
Решился я не покидать его».
Не отступил от слова своего
Философ, в правилах неколебимый:
Узнал поручик, им руководимый,
В столице каждый темный уголок,
Узнал окрестность: Красный кабачок,

Гутуев, Три Руки; не без познаний
И подвигов, не без воспоминаний
О битвах, в коих кий служил копьем,
Он воротился; да в кругу своем
Теперь и он сказать словечко может
Про Петербург! — Но что его тревожит?
О чем задумался? — Что значит стон,
С каким чубук поставил в угол он?
Вошел его Иван, а за Иваном
Ямщик. «Зачем вы?» — «А за чемоданом
Егора Львовича». — «Повремени».
И стали среди комнаты они;
В другую вышел барин с аудитором.
Тут важным занялись переговором,
Шептались. Возвратясь, казначей
Сказал мне: «Фрол Михеич Чудодей,
Мой друг давнишний, человек почтенный
(Тут аудитор потупил взор смиренный),
За благонравье полюбил тебя.
Ты будешь у него, как у себя...»
— «То есть, пока не выйдет разрешение, —
Тот перебил, — на ваше помещенье
В кадетский корпус: просьба подана,
Или по крайней мере мной она
Немедленно подастся». — «Сам ты, милый —
Так вновь поручик начал, — видишь: силой
Здесь не возьмешь; не глуп ты, хоть и мал.
А хлопотать, кажись, я хлопотал,
И дома быть случалось мне не много».

Тут усмехнулся аудитор, но строго
Зато взглянул поручик на него
И продолжал: «Егорушка, всего
Не сделаешь на свете по желанью;
Но ты свидетель моему старанью,
Ты, знаю, лихом не помянешь нас. . .
Я маменьке поклон свезу от вас.
Прощай, любезнейший!» — От удивленья
Без языка, без мыслей, без движенья
Поручика глазами мерил я;
Поцеловались между тем друзья:
Наш сел с Орлом в повозку и с Иваном,
И был таков! Меня же с чемоданом
В свое хранение принял Чудодей.
Саша
Бедняжка!
Муж
В доме матери моей
Не слишком были велики покои,
Но все красивы: утварь и обои
В них заказал покойный мой отец.
Андрей сказал мне, что и образец
Сам он нарисовал, сам за работой
Смотрел и этой нежною заботой
Он счастлив был, когда был женихом.
«Кто барина бы назвал стариком
В то время? — восклицал седой дворецкий. —
И прежний вид воскреснул молодецкий,
И вспыхнул прежний блеск в его глазах,

Тот блеск, который был злодеям страх,
А в подчиненных проливал отвагу.
Жениться и с полком прорваться в Прагу,
Конечно, разница, да дело в том:
Покойник был и храбрым женихом,
И храбрым воином в пылу сраженья».
Прав был Андрей, а молвил, без сомненья,
Совсем не то, что думал.

Саша

Отступленья!

Муж

Не дальные. — В родительском доме,
Скажу короче, взору моему
Все представлялось в благородном, стройном,
Изящном виде; в скудном, все ж пристойном
Был домик, где в столице на постой
Расположился казначей со мной.
Но то, что называл своей квартирой
Мой новый ментор, аудитор, пещерой,
Конюшней, хлевом назвал бы иной.
Мы взобрались по лестнице крутой
В его жилище: там и смрад, и холод,
И беспорядок, и разврат, и голод,
Казалось, обитали с давних пор.
Сухие корки хлеба, грязь и сор,
В бутылке свечка и бутылъ другая,
Огромная, с настойкой, черновая
Какая-то бумага под столом,
Стул, опрокинутый перед окном,

В углу кровать о трех ногах, которой
Сундук служил четвертою опорой,
А на полу запачканный кафтан,
Чернильница и склеенный стакан.
Все это под завесой мглы и пыли:
Вот чем приведены в смущенье были
Глаза мои, когда мне Чудодей
Впервые дверь обители своей
С улыбкой отпер вежливой и сладкой.
«Где мне присесть в берлоге этой гадкой?
Неужто здесь мне жить?» — подумал я
И был готов заплакать. Мысль моя
Не скрылась от догадливого взора
Второго Диогена — аудитора,
И он мне первый преподал урок:
«Я беден — так! но бедность не порок».
Сплошь все портреты Нидерландской школы!
И быть поэтом хочешь? — Где ж глаголы,
Падающие из вещей уст певца,
Как меч небесный, как перун, — в сердца?
Ребенок плакса, да негодный нищий —
Чудесные предметы! — сколько пищи
Воображенью! — Стало, без ходуль
Уж ни на шаг? детей ли, нищету ль
Уж ни в какую не вмещать картину?
Но часто пьет и горе и кручину
И кормится страданьем целый век
Отчизны честь, великий человек...
Чернят живого, ненавидят, гонят,

Терзают, мучат; умер — и хоронят
Его по-царски; все враги в друзей
Мгновенно превратились; мавзолеей
Над ним возносят, — очень бесполезный;
О нем скорбят и тужат в песни слезной
И ставят всем дела его в пример.

Питался подаванием Гомер,
Слепой бродяга, а ему потомство
Воздвигло храмы... Лесть и вероломство
И зависть Фокиона извели:

«Он украшение греческой земли!» —
Потом убийцы восклицали сами.
Так было в древности. А между нами?
Что говорит Сади (не помню где)
Об оной глупой, пышной бороде,
О бороде безумца Фараона?

«Стоял пророк бессмертного закона,
Избранник божий, дивный Моисей,
Потупив взор, в смирении пред ней;
Она же величалась пред пророком».
Пред подлостью, безумьем и пороком
Ужели не случается подчас
Стоять так точно гению у нас?

Велики, славны Минин и Державин.
Но рядовой Державин был ли славен,
И был ли Минин, мещанин, мясник,
На родине чиновен и велик?

Вы скажете: «Тогда еще и славы
Им рано было требовать!» — Вы правы;

Однако согласитесь со мной:
Все можно с помянутой бородой
Сравнить глупцов, которые пред ними
Гордились и связями своими,
И деньгами. — Любезные друзья,
Взгляну ли на толпу народа я,
А на детей особенно, невольно
Во мне родится нечто, что довольно
Похоже на почтение. — Слова нет:
И дети большей частью пустоцвет;
Но все же цвет, и цвет, скажу, прелестный
Когда ж помыслишь: будущий, безвестный
Тут резвится Платон или Шекспир,
Один из тех, быть может, коих мир
Считает неба мощными послами;
Быть может, этот, с черными глазами
И поступью отважной, удивит
Вселенную, в годину скорби щит
Отечества, грядущий наш Суворов, —
Тогда... Но нитью наших разговоров
Мы чуть ли не домой приведены?
Простите ж, и да будут ваши сны,
Как дети, так беспечны и прекрасны,
Как души их, так сладостны и ясны!

РАЗГОВОР ТРЕТИЙ

«Нет дома наших, — на ухо шепнул
Мизинец мне, — их взял под караул
Почтенный Оп и удержал к обеду». —
Нам все равно: к нему мы, к их соседу
Отправимся. И кстати! право, мне
Уж стало совестно так в тишине,
Подобно духу, гостю из могилы,
Под покровительством волшебной силы
Подкрадываться к ним. К тому ж они
Вам менее наскучат не одни.
Мы, впрочем, шапку все ж возьмем с собою...
«Возьми, пожалуй! — тут с усмешкой злою
Мне говорит сердитый журналист, —
За бред твой ты заслуживаешь свист, —
Ведь шапка-то одна; а вас же много». —
Ученый физик судит очень строго;
Но вот ответ мой: «Шапочка моя
Сестрица электризму; нам, друзья,
Составить только цепь руками стоит,
И пусть она и одного прикроет,
А все равно незримы будем мы». -
Не слишком же догадливы умы
Издателей Риторик и Пиитик!
Напишешь: и — тебя ругает критик,

Зачем над и нет точки. Мы пешком
Пойдем сегодня: гения с ковром
Не для чего трудить. За пирогом
Словечко уронить случилось Саше
Про повесть мужа. Тут собрание наше,
А именно: сам Яков Карлыч Оп,
Супруга, дочь и Власий-протопоп,
Которого евангельское сердце
Любило брата даже в иноверце,
Который к ним с каких-то похорон
Заехал, — все они, со всех сторон
К рассказчику: «Рассказывай» — и только!
Отказом огорчишь их, а нисколько
Их огорчить мой витязь не хотел.
Он благороден, щекотлив и смел,
Да здесь у места было снисхожденье:
Гусар наш согласился. — Нам бы продолженье
Повествования его застать!
Начало знаете; зады ж, на стать
Божественного болтуна Гомера,
Велеть вновь слушать — нет еще примера
В твореньях не классических певцов.
Однако близко, из среды домов
Уже, я вижу, поднялась аптека, —
Так высится огромный верх Казбека
Над цепью сумрачных Кавказских гор;
Гигант, разрезав вечным льдом обзор,
Чело купает в девственной лазури,
На чресла вяжет пояс мглы и бури,

С лежащих на коленях вещей струн
Перстами сыплет громы и перун,
Стопой же давит дерзновенный Терек,
Который, бешен, рвет и роет берег, —
И прочее... Поберегу запас;
Вот сад, войдем; метафор будет с нас.

Егор Львович

Был Фрол Михеич первые недели
Со мною ласков: мы изрядно ели;
Он не пил, и явился у него
Порядок, не бывавший до того.
Объедки, корки выброшены были
И смыл слои тяжелой, черной пыли
Со стен, окошек полуинвалид,
Жилец того же дома; новый вид
Все приняло в чертогах аудитора.
Я был: «Мой друг, мой милый, вы», — Егора
Без Львовича не говорили мне.
Меня расспрашивал он о родне,
О наших связях, об отце покойном,
И в языке его благопристойном
Я даже грубых не слышал речей.

Священник

Конечно, полагал ваш Чудодей.
Что выгодны ему такие меры;
Он ждал награды.

Егор Львович

Я не этой веры;
Не из большого бился он: был сдан

Ему, да без ключей, мой чемодан;
А сверх того, отец мне в именины
(Весною, в самый год своей кончины,
Уже больной, уже лишаясь сил)
Часы — и золотые — подарил.
Жена бранит меня за отступленья;
Однако про часы те, с позволенья
Ее и вашего, мои друзья,
Поговорить считаю нужным я:
«Храни их и носить их будь достоин, —
Мне дар вручая, молвил дряхлый воин, —
Мой сын, и тяжелы и без красы,
Но верны эти древние часы.
Случалось, дни страданья и печали
Угрюмые они мне измеряли;
Не утаю, бывал и слаб я, — да!
Мгновенья же злодейства и стыда,
Бесчестного мгновенья — никогда
На память стрелка мне не приводила.
Часы — наследство: приняла могила
Того, кто умирающей рукой
Мне дал их... дядя твой, мой брат, герой,
Зарытый под стенами Измаила...
С ним смерть меня на время разлучила,
Но скоро смерть соединит же нас;
Мой друг, мне скоро знать, который час,
Не нужно будет. — Ты же, верный чести,
Служи отчизне и царю без лести;
Часы свои все освящай добром,

Все чистой совестью». — Меня потом
Покойник, как завесь часы, наставил,
Поцеловал, поднялся и прибавил:
«Не забывай, Егор, отцовских правил».
Как я берег часы те, что мне вам
И сказывать? — А их прибрать к рукам
С ключами был мой Чудодей намерен.
Но даже он (я в том почти уверен)
Меня бы пожалел, когда бы мог
Вообразить, сколь был мне сей залог
Любви отца бесценен.

Саша

Друг, не знаю;

А мне сдается, будто негодяю

Ты лишнюю оказываешь честь.

Егор Львович

Быть может; приговор же произнести

Над ним другие могут: оскорбленный,

И о вине забытой и прощенной,-

Судья пристрастный. Взять часы хотел,

Для явного ж разбоя был несмел

Мой Фрол Михеич. Может быть, сначала

И думал: «Мать кому ж нибудь писала

Из здешних их знакомых о сынке.

Найти его у нас на чердаке,

Конечно, нелегко, но все возможно;

Итак, примусь за дело осторожно...»

Я был ребенок, слаб, в его руках,

Доверчив, совестлив; но о часах

Все долго спорил, только из терпенья
Его не вывел, впрочем, подозренья
И тени не было в душе моей.
Когда бы было, я, кажись, скорей
Расстался бы и с жизнью, чем с часами.

Священник

По крайней мере, в обхожденьи с вами
Не вдруг же он переменялся.

Егор Львович

Вдруг,

В тот самый день. «Мой милый» и «мой друг»

Еще с неделю слышать мне случалось;

Но вы — то и в помине не осталось:

Егора Львовича сменил Егор,

Увы! сменил (и скоро) до тех пор

Никем не говоренный мне Егорка.

Объедки редьки, лук, селедка, корка

Опять везде явились; грязь и пыль

Берлогу вновь одели, вновь бутыл

На волю вызвана из-под постели.

Михеич думал: «Ведь достиг я цели;

Комедии конец!» Он встал, в карман —

Часы и деньги, и ушел, и пьян,

В свой терем воротился ночью поздно.

Уж спал я: но злодей завопил грозно:

«Вставай, щенок!» — Я вздрогнул, но ушам

Не мог поверить: не к таким словам

Меня в дому отцовском приучили.

Он повторил: «Вставай, негодный! — или» —

И о пол — хлоп! Подняться сам собой
Не в силах был неистовый герой;
Однако, лежа, расточал угрозы.
Меня пустое приводило в слезы,
Я мягок был, и слишком.

Саша

Бедный друг!

Могу вообразить я твой испуг...

Шарлотта

Ваш ужас в это горькое мгновенье!

Егор Львович

В груди моей и гнев и омерзенье

Все заглушили: в сердце их тая,

Я мучился, но мог ли плакать я?

Во мне и страх подавлен был презреньем.

Скажу еще: недаром провиденьем

Мне послан был столь тягостный искус.

Быть может, без него я был бы трус

И неженка; но тут, как от закала,

Во мне душа незапно твердой стала.

Вы усмехнулись.

Священник

Да, мой друг: меня

Вы извините; стар я, без огня,

Без смелости мое воображенье...

В такое веровать перерожденье

Мне что-то трудно. Брошенный посев

Не вдруг дает колосья; скорбь и гнев

Я взвешивал, исследовал я страсти,

Вникал в могущество их грозной власти
(По должности обязан я к тому);
Но ваш скачок и моему уму
И опыту, скажу вам откровенно,
Противоречит. В мире постепенно
Все происходит: точно так и в нас.
Что не был без последствий оный час,
Как в пору павшее на ниву семя,
Я в том уверен; даже что на время
Самим себе казались вы другим;
Но напряженье минуло, и с ним
Обманчивое ваше превращенье, —
Вы стали вновь ребенком.

Егор Львович

Ваше мнение

Согласно с истиной, согласно с тем,
Что досказать я должен; не совсем
Я выразился точно: но — примеры!
Нанизывать гиперболы без меры
Теперь в обычае.

Аптекарьша

Да что же он?

Егор Львович

Ворча, ругаясь, впал в мертвецкий сон.

Шарлотта

Стыдился поутру?

Егор Львович

Кто? он? нимало!

Стыдиться тут другому бы пристало;

Но не ему. Он мне сказал: «Егор,
С тобой чинился я; все это вздор:
Хочу я жить, как жил всегда дотоле;
А, братец, ты одобришь поневоле
Мое житье».

Саша

Что ж ты?

Егор Львович

Остолбенел;

Но был уже я менее несмел,

Чем накануне: мне негодованье

Не вдруг позволило прервать молчанье,

А не боязнь. Хотя и в ночь одну

Не мог шагнуть я за мою весну,

За первый цвет беспомощного детства,

Все не нашел он и в бесстыдстве средства

Избегнуть униженья своего.

Я молвил: «Вас, сударь, прошу покорно

Отдать часы мне». — «Что ты так задорно

Их требуешь? — смутясь, он отвечал. —

Часы носить еще ты слишком мал».

— «Они мои», — я прервал. «Целы! целы!

Но берегись, но, братец, есть пределы

И моему терпенью: ты из них

Меня не выводи». Потом притих

Философ мой: в последний раз со мною

Он в этот день был ласков; лишь порою

С неммым вопросом на меня глядел,

Шептал порою: «Ххмм! какой пострел!»

Крепился я, но имя же уroda
Заслуживал бы, если бы природа
Во мне ребенка не взяла свое.
Тоска моя, отчаянье мое,
Хотя при нем и хладны, и безгласны,
А, верьте, стали, наконец, ужасны:
Он со двора, и я, я зарыдал. . .
Вдруг музыка. «В соседстве, верно, бал», —
Подумал я, и что же? из пучины
Минувшего прелестные картины,
Мучительные, всплыли предо мной.
«Ах! — говорил я, — и меня зимой
Отец и мать возили же на балы. . .
Как там все хорошо! все залы
Полнехоньки; не считаешь дам;
В пух все разряжены; но по глазам
Прекрасным и живым и вместе нежным
Всех лучше маменька. «Ты будь прилежным,
Егор, — учись! возьму тебя на бал...» —
Так батюшка, когда еще ежжал
И сам в собранья, скажет мне, бывало, —
И я учусь! — Случалось, на день мало,
Что зададут дня на три. Вот мы там...
Как весело! хозяйка рада нам;
Хозяин батюшку за вист посадит,
Меня же поцелует и погладит
И — детям сдаст; они меня в буфет,
Мне нададут бисквитов и конфет,
Потом подальше от больших составим

И мы кадрили свой или где добавим
И в их кадрили пару... А теперь?
Один я здесь, не человек, а зверь,
Нет, хуже зверя... гадкий, неопрятный,
Бессовестный, бесчестный и развратный,
Безжалостный располагает мной!
Злодей! — но как он хочет, а с часами
(Тут сызнова я залился слезами)
Никак, никак я не расстанусь, — нет!»

Аптекарьша

Der arme Junge!¹

Священник

Горесть первых лет

Живее всякой горести, — но, к счастью,
Быть долго под ее суровой властью
Нельзя ребенку: сон, отрадный сон,
Слетев, как ангел божий, плач и стон
В устах еще дрожащих прерывает;
Очей младенцу он не отирает;
Еще струятся слезы, бурно грудь
Еще вздымается, а уж заснуть
Успел малютка, уж куда-нибудь,
Сердечный, как цветок, росой смоченный,
Головкой прикорнул отягощенной.
И вы заснули? так ли?

Егор Львович

Точно так:

В немой, бездонный, благотворный мрак

---

¹ Бедный юноша! (нем.).

Унылая душа моя нырнула,
В тот тихий край спаслась, где из-за гула
Земного страха и земных страстей
Эдема песни отозвались ей.
Друзья, дивитесь? вы таких речей
Высокопарных от меня не ждали?
Но раз и навсегда: язык печали
И вдохновения, язык тех дум
Таинственных, которых полон ум,
Мне кажется, от посторонней силы
Заемлет на мгновенье мощь и крылы,
Чтобы постичь и высказать предмет,
Для коего названья в прозе нет,
Язык тех дум не есть язык газет...
Вам расскажу мой сон: нависли тучи,
Катился гром, забрел я в лес дремучий;
Нет выходу. — Из лона тьмы ночной
Волков несется кровожадный вой;
Во мне, тоской неизреченной сжато,
Замлело сердце: тут одежда чья-то
Мелькнула белая из-за ветвей, —
И тише стал и гром и рев зверей.
Вдруг звон послышался мне погребальный,
А после голос слабый и печальный,
То голос матушки, и вот слова:
«Прости мне грех мой — ах! твоя вдова
Тебя, блаженный, молит о прощеньи...»
Я ждать: ответа нет; а в отдаленьи
Не умолкает стон... Как ей помочь?

Как до нее дойти в такую ночь
В бору дремучем? — Рвуся в дичь густую;
Во что бы ни было спасу родную;
Вперед — и вот упал я в страшный ров;
Гляжу — и стая яростных волков
Передо мною, а вблизи могила;
Скрежещут звери; — что же? завопила
И жалостнее прежнего она.
Все забываю, ею мысль полна.
«Прости, отец!»-взываю. «Прощена!»—
Вдруг раздалось, — и где же лес и логов?
Где гроб и мрак? — Средь радужных чертогов
Стоят передо мной отец и мать;
Смеясь и плача, их стремлюсь обнять...
Но вот они при чьем-то дивном пеньи
Все выше в плавном, сладостном парении —
И вдруг в дыму исчезли золотом.
Аптекарьша
Пречудный сон, пречудный! — а потом?
Егор Львович
Очнулся я в конуре Чудодея...
Но потемнела ближняя аллея;
Не рано — мне же за перо пора:
Я много писем получил вчера...
Аптекарьша
А продолженье вашего рассказа?
Егор Львович
Сударыня, уж до другого раза.
Аптекарьша

По крайней мере просим закусить.
Рассказа снова разорвалась нить:
Но раму ли оставлю без вниманья?
Пресходные между собой созданья —
Аптекарь-немец, отставной гусар
И старый поп! — Да! к ним еще татар
Или китайцев примешать бы можно!
«Послушай, — говорят мне, — ведь безбожно
Выдумывать знакомство меж людьми,
Которые (такими их возьми,
Какими в свете видишь их) по чести
Не сблизилась бы лет и в двести!»
Положим; только почему же сам
На промахи указываю вам?
В своих ошибках первый я уверен;
Однако подражать же не намерен
Почтенному Капнисту. Старичок,
Бывало, вздор напишет в десять строк:
«О дивной мудрости Гипербореев»,
Пошлет в журнал и, чтоб своих злодеев
Потешить, эпиграмму на свой вздор.
Переменилось кое-что с тех пор;
Уж эпиграмм мы на себя не пишем,
Уж мы не той невинностию дышим,
Не тою прямо детской простотой,
Какую в старину являл иной
Писатель даже с истинным талантом.
Так! простяком пред умником и франтом
Холодным, бледным, томным наших дней

Стоял бы даже северный Орфей —
Державин, грубый, нежный, грозный, дикий,
Могущий, полуварвар, но великий.
Привел бы лепет их его в тупик;
А между тем мне и его парик
Порою кажется дельнее многих
Голов судей взыскательных и строгих,
Которые в нас сыплют градом слов
В крикливых перепалках тех листков,
И книжек, и тетрадей разноцветных,
Где среди фраз учтивых и приветных
И гения, и вкуса, и ума,
И остроты, и беспристрастья тьма,
Где уж Ла-Арпу и Батте не верят,
И весят Байрона, и Гете мерят,
Толкуют про водвиль и про сонет,
И даже знают, что Шекспир — поэт.

РАЗГОВОР ЧЕТВЕРТЫЙ

Куда перенесемся мы сегодня?
Не в дом ли скромного слуги господня,
Священника? семейный быт его
Рудой богатой был бы для того,
Кто обладал бы даром Вальтер Скотта,
Но не порука за талант — охота;
Да и таланта мало: должно знать
То, что желаешь верно описать,
А то плохая на успех надежда.
Священника наружность и одежда
Еще, быть может, и дались бы мне:
Я мог бы говорить о седине
Волос его, о бороде почтенной,
Летами, будто снегом, убеленной,
О взоре ясном, об улыбке той,
С какую смотрит он на мир земной,
На призрак наслажденья и печали
(С такой улыбкой мы смотреть бы стали
На игры детства). Так, мои друзья,
В его чертах представить мог бы я
Подобье, тень святого Иоанна,
Но не того, который, в глубь тумана
Судеб вселенной простирая взор,
Небесный гром, разящий темя гор,

Таинственный, и блещет и грохочет
И день суда и гибель злых пророчит;
Нет, старца кроткого, — его ж уста
Исполнены единого Христа,
Напитаны любовью совершенной...
В весне своей, почти уже забвенной,
Священника знавал я: соименный
Апостолу, смиренный Иоанн
Был в пастыря невинным девам дан,
Которые цвели в сени десницы
Всем русским общей матери, царицы
Марии, благодетельницы всех.
Сколь живо помню старца! — Наглый грех
Без внутреннего горького укора
Не выдержал бы пламенного взора,
Дарованного господом ему.
Но, следуя владыке своему,
Он и врагам же простирали объятья;
Им взор его вещал: «И вы мне братья!»
Он другом был растерзанных сердец,
А девы, говоря ему «отец»,
В нем нежного отца встречали чувства.
Ему науки, письменна, искусства
Отрадой были: в слове россиян
И греков, римлян и зарейнских стран
Знаток глубокий, он читал Платона,
Сенеку, Гердера и Фенелона
Не в переводах. К старцу на совет
Прийти бы мог прозаик и поэт, —

И приходили: яркий, быстрый свет
Он часто проливал на их сомненья:
А простоты младенческой, смиренья
Евангельского, знания у него
Не отнимали. — Пастыря сего
За выдумку не принимайте, други!
Вам скажут сестры, матери, супруги —
Я лишнюю прибавил ли черту?
Конечно, редко, но подчас мечту
И правда пристыжает. — Здесь картиной
Мне довершить позвольте: пред кончиной
В последний раз благий господень раб
Приехал к девам, телом только слаб,
Но верой крепок; вот в их круг вступает,
И что же? (Как случилось, кто то знает?)
Все вдруг, как тут стояли, в тот же миг
Упали на колена... Знать, постиг
Их вещей дух, что близко час разлуки;
Смутился старец, стал, подъемлет руки
И плачущих благословил детей.
Довольно; только в памяти моей
(Надеюсь, согласитесь) кисть поэта
Найти могла бы краски для портрета
Священника. — Ввести ж в его семью
Вас все нельзя: представить попадью
Мне должно бы; а как? — вот затрудненье!
Роняет кисть в испуге воображенье!
Едва я помню попадью одну!
Да признаюсь, как на нее взгляну,

В ней, женщине, быть может превосходной.
Черты не вижу ни одной мне годной:
Раз ехал я на долгих и зимой;
В село въезжаем; нужен был покой
И мне, и людям, и коням усталым;
Вот к двум дворам послал я постоялым,
Но были оба набиты битком.
Что делать? — Смотрим, а на горке дом
Нас словно манит, светлый и красивый;
Ямщик мой был оратор, и счастливый;
Пошел и просит, — выбился из сил,
Да наконец принять нас убедил;
Шажком встали кони нас на гору;
Тут жил священник, но на эту пору
Сам был в отлучке, и — ко мне, друзья,
Навстречу вышла попадья моя.
У ней я напился плохого чаю
И — отдохнул. Прибавить что? — Не знаю,
А высказал бы все вам не тая...
Да! шила тут же платьице швея
Из тех, которым в округе знакомы
Все несколько зажиточные дома,
Которых жалуют не все мужья,
Но жены любят; с нею попадья
Вела довольно пошлую беседу;
Икалось дворянину, их соседу,
Так должно думать, от беседы той:
Ему досталось с дочерьми, с женой,
Со всей его роднею и друзьями.

Что тут занять мне? рассудите сами!
Пускаться в описанья наугад? —
Избави, боже! рад или не рад,
К аптекарю переберуся в сад!
«Егору Львовичу мы обещање
Напомним, — молвил он, — повествованье
Начатое...»

Аптекарьша
Так точно: вам от нас
Не отыгратья! — Сядьте, просим вас.

Егор Львович
Я...

Аптекарьша
Сядьте!
Егор Львович
Если должно непременно,
Но «я». . .

Аптекарьша
Без отговорок.
Егор Львович
Откровенно:
Я сомневаюсь, чтобы, не шутя,
С своими похождениями дитя
Могло занять вас. . .

Священник
Очень вы не правы.
Что до меня, не для одной забавы
Желал бы я дослушать ваш рассказ:
Разгадывали дети мне не раз,

Что в взрослых мне осталось бы загадкой;
Из горьких слез, из их улыбки сладкой
Уроки важные я почерпнул;
В сердцах их чище и слышнее гул
Святого голоса самой природы.
Мы все младенцы: бог судеб народы
Воспитывает опытом веков,
И всякий, кто бы ни был он таков,
Воспитывается до врат могилы.
В малютках ум незрел, незрелы силы;
Мы думаем, что образуем их;
Однако и наставников других
Должны признать мы: жизнь и впечатленья;
Вдобавок нам за наши наставленья
Ребенок платит: пусть берет от нас,
Берем и мы; пусть каждый день и час
Его мы учим, — он и нас же учит.
Поверьте: никогда мне не наскучит
Изображенье чувств и дум, забот, утех
И горестей существ невинных тех,
В которых вижу образ человека
Без искаженья и пороков века.
Итак...

Егор Львович

Сдаюсь. Но не в отраду вам
Рассказ мой будет: вас не по цветам
Водить мне. Вы смеялися доселе?
Забудьте смех. Чем дале, тем тяжеле
Становится мой жребий. «О часах

Не поминай!» — твердил мне тайный страх;
Но им ли попуститься? их, робея,
В руках оставить подлого злодея?
Заговорил я о часах! — Бледнея
От бешенства, он поднял тусклый взор,
Но сел и удержался. «Что за вздор? —
Спросил он. — О каких часах болтаешь?»
Меня бесстыдство взорвало: «Ты знаешь, —
Я прервал, — знаешь, о каких!» — Едва
Успел я эти выронить слова,
Как на меня он бросился...

Аптекарьша

Бездушный!

Егор Львович

Всегда я дома мальчик был послушный,
Отец не вспылчив был, хотя и строг;
Не знал побоев я, — и что же? — с ног
Тут сбил меня чужой и оземь ринул;
Я вскрикнул, — Чудодей меня покинул...

Шарлотта

Из жалости?

Егор Львович

Нет, чтобы розги взять:

Уж прежде их он бросил под кровать;

Их я заметил, но мне в ум в ту пору

Не приходило, чтоб тогда же ссору

Хитрец замыслил.

Священник

Видно по всему,

Что даже угодили вы ему

Вопросом о часах.

Саша

Но польза ссоры?

Егор Львович

А вот какая: с нею все те вздоры,

И разом, сбрасывал с себя злодей,

Которые по глупости людей

Слывут приличьями. — От вас я скрою,

Как тешился палач мой надо мною.

Он рот мне зажимал, а все мой крик

За стены нашей комнаты проник,

И вдруг вошел нежданный избавитель.

Саша

Кто?

Егор Львович

Инвалид, того же дому житель

(О нем и прежде помянул я вам).

«Побойтесь бога, сударь! стыд и срам!

Да полно ж! изувечите ребенка!»

— «Вступаешься напрасно за бесенка, —

Оторопев, промолвил аудитор: —

Он, брат, шалун, повеса, лгун и вор.

Сам рассуди: уж я ль не благодетель

Безродному щенку? ты сам свидетель,

Как принял я его, как обласкал!

Змея, змея, Степаныч, как ни мал!

В нем чувства вовсе нет: меня, негодный,

Ограбил, обобрал!» — Тут пот холодный

Покрыл лицо мне; позабыта боль:
«Лжешь!» — я завопил. «Ну, теперь изволь
Вступаться за него! — сказал разбойник. —
Избаловал его отец-покойник;
Так докажу же я ему любовь!»
И вот опять схватил меня, а кровь
И без того текла с меня ручьями;
Но, к счастью, обеими руками
Отвел безжалостного инвалид.
«Нет, ваше благородье, вы обид
Сиротке не чините! Тут не кража;
Случилась, может быть, у вас пропажа,
Хотя (прибавил шепотом старик
И усмехнулся) будет не велик
Прибыток и с находки; да вы сами
Не обронили ли?» — Потом: «За вами
Прислал тот офицер». — «А! знаю: тот,
Который на меня хлопот, хлопот
Навьючил, братец, целое беремя.
А ты, голубчик! мне теперь не время:
Да мы с тобой уже поговорим!» —
И вышел он с заступником моим.
Шарлотта
С какими чувствами, воображаю,
Остались вы!
Егор Львович
Врагу их не желаю;
Но трудно описать их. У окна
Сидел я, словно в грозной власти сна

Мучительного, ясных дум лишенный.
«Проснусь ли?» — думал, болью пробужденный,
Вдруг вздрагивал, — и мой же горький стон
Мне отвечал: «Нет, не мечта, не сон
Тебя терзает!» — Бог ведь, до чего бы
Дошел я, наконец; но жертвам злобы,
Страдальцам (уж замечено давно),
Когда их ноша особенно тяжка,
И утешенье близко.

Священник
Не натяжка,
Так полагаю, если указать
На перст господень здесь, на ту печать,
Которую святое провиденье
На дивное житейских дел течение
Порой взлагает, да уверит нас,
Что до него доходит скорби глас,
Что не в подъем не шлет нам испытаний.
Но продолжайте.

Егор Львович
Цепь глухих мечтаний,
Давивших мой унынья полный дух,
Расторг, — когда хотите, вздор! — В мой слух
Вдруг голубка влетело воркованье;
Не мудрено, что я, дитя, вниманье,
Хотя страдал, на гостя обратил.
Скажу вдобавок: в самом деле, мил
Был мой крылатый, пестрый посетитель;
Он словно в скучную мою обитель

Просился, и кружился на окне,
И кланялся, иной сказал бы, мне,
Меня прельщал всех красок переливом
И будто что-то в рокоте игривом
Высказывал. — Взглянул я на него
И предо мною детства моего,
Минувших дней беспечных, мирных, ясных
Воскреснул образ; голубков прекрасных
Своих я вспомнил. Их моя рука
Кормила, на мой зов издалека
Летят, бывало. Мне была вся стая
Любезна; да от прочих отличая,
Особенно я выбрал одного
И птичке имя друга своего
Андрея дал.

Аптекарь

Андрея? это ново!

Егор Львович

Не слишком: о предметах разных слово

Нередко в языке и не ребят

Одно употребляют.

Саша

Но хотят

Тогда сказать, что сходны те предметы.

Егор Львович

Так, только в чем? Для сердца есть приметы,

Как для ума, и слуха, и очей:

С Андреем-голубком усач Андрей

С нависшей на глаза густою бровью

Не видом сходствовал, а той любовью,
Какую находил в обоих я.
«Что вы творите, милые друзья?» —
Увидев гостя, я шепнул, вздыхая,
А посетитель, будто отвечая,
Заворковав, отвесил мне поклон.
«От них привета не принес ли он?
Напоминает моего Андрея:
Такие точно крылья, грудь и шея!»
Сквозь слезы продолжал я и окно
Открыл, — и что ж? казалось, мы давно
Знакомы с ним, — не дрогнул он нисколько;
Я крошек набрал, бросил: «На! изволь-ко! —
Промолвил, — чем богат я, тем и рад».
Он стал клевать, и — я забыл свой ад,
Забыл и боль, и грусть, и стыд, и скуку.
Когда же протянул к нему я руку
И на руку он сел, в тот миг я мог
За дом родительский принять свой лог.
«Ты будешь мне Андреем! — в восхищеньи
Воскликнул я. — В своем уединеньи
Отныне есть же мне кого любить!»
Но сих отрадных ощущений нить
Прервалась вскоре. «Голубок мой несравненный,
Где спрятать мне тебя?» — и, удрученный
Боязнию, тоскою, — что бы тут
Придумать, я не знал; и вдруг — идут!
Душа во мне застыла: от испуга
Платок насилу я успел на друга

Накинуть; но вошел не Чудодей,
Вошел Степаныч. «Барин, не робей! —
Сказал он. — Я пришел тебя проведать.
Да есть ли у тебя что пообедать?
Заторопился что-то мой сосед,
Забыл про вас... бог с ним! вот вам обед».
Потом старик на стол поставил чашу
Превкусных щей, в горшке крутую кашу
Да с добрым квасом небольшой кувшин.
«Прошу не брезгать! — не велик мой чин,
Но сердце бьется под моей медалью».
Дотоле занятый: сперва печалью,
А после радостью неожиданной, я
Не думал об еде; тогда ж, друзья,
Почувствовал, что голоден; да голод,
Сколь ни был я еще и прост и молод,
С стыдом и гордостью в груди моей
Мгновенья два боролись. — «Чудодей
Воротится; не мешкай, кушай, барин!» —
Степаныч молвил. «Очень благодарен, —
Я отвечал, лепеча, покраснев: —
Мне совестно». — «Ну, барин, не во гнев,
О, просто совеститесь по-пустому! —
Он проворчал. — Служивому седому
Обиду захотите ли нанести?
Извольте кушать: перед вами честь;
Ее не трону».
Священник
Что же вы?

Егор Львович

Рыдая,

Сжимал руками руку старика я.

«Не плачьте! — добрый говорил солдат. —

Пусть бабы плачут; молодец и хват

За срам считает слезы, за бесславье!»

И ложку дал мне: «Кушайте во здравье».

Я начал есть, но гостя голубка

Все помнил, — между тем из-под платка

Он вздумал выглянуть. — «Смотри, Степаныч,

Какой хорошенький! <но> только на ночь

Куда его девать мне? — Был бы мне

Он истинной отрадой!.. На окне

Он в руки попадетсЯ Чудодею;

Злодей ему свернет наверно шею. . .

Степаныч, друг мой! я почти жалею,

Что прилетел несчастный голубок».

— «Ххмм! для него нашелся б уголок

И у меня, — сказал солдат с улыбкой. —

Но берегитесь: дядюшке ошибкой

Проговоритесь сами ж». — «Ничего

Не опасайся, — прервал я его, —

Как рыба буду нем! и сизокрылый

Тебя же просит: видишь ли, мой милый?

Он так и кланяется». — «Вечерком, —

Старик промолвил тут, — за голубком

Я стану приходить, или вы сами».

— «Да, друг мой, да! Своими я руками

Сам буду относить его к тебе!» —

Так я воскликнул. О своей судьбе,
Тяжелой, горькой, с радости тогда я
Совсем забыл; Степаныча лаская,
Лаская голубка, смеясь, шутя,
Я счастлив был, как может лишь дитя
Быть счастливым.

Священник

Заметить здесь не к стати ль,
С какой премудростью благий создатель
Устроил наше сердце, как и среди тьмы
Свой свет нам посылает? Рвемся мы
В отчаяньи, из бед не зрим исхода;
Все полагаем: жизнь, судьба, природа
В коварном заговоре против нас.
Посмотришь: мы ж смеемся через час!
Вселенна вдруг стала иной? Нимало!
Спасенья ли светило просияло,
Расторгся ли покров ненастных туч?
И то бывает; чаще же тот луч
Не солнечный, — светляк блеснул смиренный,
Но блеск и червя — блеск нам вожделенны.

Егор Львович

Я был ребенком.

Священник

Повторяю вам:

Доколе жертвуем еще мечтам,
Доколе в мире, — все мы дети те же.

Егор Львович

Есть исключенья.

Священник

Может быть; но реже

И Феникса. Кто хладен ко всему,

Кто под луной ни сердцу, ни уму

Уже сыскать не в силах пищи здоровой,

Кто не прельщен ни счастьем, ни славой,

Ни теплотой от алтаря наук,

Тот — срезанный от древа жизни сук:

Он в персях носит семя разрушенья

И на земле не более мгновенья

Останется. — Но даже он, пока

Могильщика отрадная рука

В безмолвном граде мирного кладбища

Не отворила мертвецу жилища

Единокого приличного ему, —

Пусть он, слепец, и к богу своему

Не прибегает, пусть и в самой вере

Не видит ничего, — по крайней мере,

Хотя на миг среди скотских сластей

Забвеньё он встречает.

Егор Львович

Да! людей

Знавал и я: Манфреды в разговорах,

Конрады, Лары; в их потухших взорах

Читал я неоспоримый довод,

Что неохота обмануть народ

На них надела страшную личину...

А подадут шампанское, дичину,

Уху, душистый страсбургский пирог, —

И тот, кого, казалось бы, не мог
И сам Орфей привести в движенье, — чудо!
Расцвел незапно: озирает блюдо,
И взор немой совсем уже не нем;
Хватает нож, однако же не с тем,
Чтобы зарезаться с хандры и скуки;
Мертвец мой ожил: щеки, брови, руки —
Все движется, — и доказал пирог,
Что нашим братом человеком бог
И Лару создал. — Но витийства жару
Мне ль предаваться? оставляю Лару.
Бывал не часто дома аудитор:
Вот почему Степаныча с тех пор
Я навещал прилежно; мой приятель
Метлами торговал; его создатель
Невысоко поставил в жизни сей,
Да душу дал ему. — Старик Андрей
Нежнее в обращеньи был со мною
И баловал меня, при мне порою
Андрей ребенком становился сам;
Степаныч же не потакал слезам,
Был малодушья всякого гонитель
И боле воспитатель и учитель,
Чем снисходительный товарищ; мне
Почти не говорил о старине,
Почти не поминал о приключеньях,
Какие испытал, — о тех сраженьях,
В каких бывал; зато нередко стих
Из Библии, когда из глаз моих

Увидит, что мне нужно подкрепление,
Натверживал, — и в грудь мне утешенье
И вера проливалась. Сверх того,
Уроки эти в дар мне от него
Остались на всю жизнь; их на скрижали
Младенческого сердца в дни печали
Он врезал глубоко: затем черты
И не изгладились. Их ни мечты
Отважной юности, ни те обманы,
В которые вдавался, ни туманы
Холодной светской мудрости стереть
Не в силах были. Если ж и бледнеть
Случалось им, их оживляла снова,
То ласкова, то в пользу мне сурова,
Нежданном чудным случаем судьба.
Сурова, тягостна была борьба,
Которой я подвержен был в то время, —
И я погибнул бы, когда бы бремя,
Тягчившее меня, ничем, ничем
Не облегчалось. Позабыт совсем
Родными, в полной власти Чудодея,
И голодом томясь и грустью млея,
Ограбленный (все лишнее мое
Истратив, уж и платье и белье
Бесстыдный отнял), часто даже битый,
Я только и держался не защитой,
По крайней мере дружбой старика.
Саша
А защитить?

Егор Львович

Могла ль его рука

Бессильная? — Однако, если строго
Судить хотите, много, слишком много

Я говорил о разных стариках,

Тем боле, что в младенческих годах
Необходимы ж сверстники. Их дома

В семьях, с которыми была знакома
Любившая знакомства мать моя,

И равных мне, встречал довольно я;

Но вдруг — Степаныч, голубок — и только.

Тот птица, а с другим шутить изволь-ко, —

Не улыбнется! Наконец и здесь

Товарища нашел я; правда, спесь

Моих жеманных тетушек с испуга

Содроглась бы, когда б увидеть друга

Им удалось, какого я избрал:

Отец Петруши был не генерал,

Не прокурор, не предводитель,

Хотя бы и уездный, — нет, родитель

Клеврета, друга моего Петра

Был просто дворник нашего двора.

Сначала я и чванился, но вскоре

Мы сблизились; делили смех и горе

И часто забывали за игрой

Весь мир со всей житейской суетой.

Остановился тут рассказчик юный.

На землю сходит вечер златорунный,

Уходит за обзор природы царь;

Кругом опал и яхонт и янтарь,
Пылают облака; дерев вершины
Дрожат и рдеют; медленно с долины,
Белея, катит к городу туман;
Вдали на взморьи мрачный великан,
Чернеет башня древнего собора...
И вдруг в беседе живость разговора
Торжественным молчаньем сменена:
В их души льется с неба тишина,
В очах их вижу я благоговенье;
Объяло всех священное забвенье
Пустых приличий. — Головой поник
Седой слуга господень... Что, старик?
О чем мечтаешь? — Глядя на пучину
Багряной бездны, не свою ль кончину
Воображаешь? Мирной быть и ей,
И ей сияньем сладостных лучей
Тех озарить, которым в час разлуки
Прострешь благословляющие руки!
Безмолвны женщины, шитье сложив,
Блуждают взором средь воздушных нив,
Где в глубине востока в тверди чистой
Прорезал сумрак серп луны серебристой.
Со стула встал хозяин: даже в нем
Зажглося что-то неземным огнем;
Громаду и аптекарева тела
Душа в мгновенье это одолела.
Исчезло солнце; стал тускнеть закат;
С ночных цветов струится аромат;

На дол и холм роса обильно пала.
«Боюсь, — хозяйка, наконец, сказала, —
За Александру Глебовну... пойдём».
Идут, — аптека манит их лучом
Последним, догорающим на крыше;
А позади темнее все и тише,
И тише и темнее жизнь земли;
И вот в гостеприимный дом вошли.

РАЗГОВОР ПЯТЫЙ

Осенний вечер; блещет камелек,
Перебегает алый огонек
С полена на полено. Стулья слуги
Поставили; уселись наши други:
Огромные их тени по стене
Рисуются. — Но между тем вы мне
Позвольте помянуть о старине,
На миг из гроба вызвать дни былые.
Страну я помню: там валы седые
Дробятся, пенясь, у подножья скал;
А скалы мирт кудрявый увенчал,
Им кипарис возвышенный и стройный
Дарует хлад и сумрак в полдень знойный,
И зонтик пиния над их главой
Раскинула; в стране волшебной той
В зеленой тьме горит лимон златой,
И померанец багрецом Авроры
Зовет и манит длань, гортань и взоры,
И под навесом виноградных лоз
Восходит фимиам гвоздик и роз, —
Пришлец идет, дыханьем их обвеян.
Там, в древнем граде доблестных фокеян,
И болен и один в те дни я жил.
При блеске сладостных ночных светил

Когда, сдается, на крылах зефира
Привет несется из иного мира;
Когда по лону молчаливых волн,
Как привиденье, запоздалый челн,
Таинственный, скользит из темной дали;
Когда с гитарой песнь из уст печали,
Из уст любви раздастся под окном
Прекрасной провансалки редко сном
Я забывался, а мой врач жестокий
Бродить мне запретил. — Что ж, одинокий,
Я дельвал? Сиж у камелька,
Гляжу на пламя; душу же тоска
Влечет туда, где не смеялись розы
В то время — нет! крещенские морозы
Неву одели в саван ледяной.
Кто променяет и на рай земной
Тот край, который дорог нам с рожденья?
Однако мы оставим рассужденья...
Несвязный, своенравный, пестрый вздор
Мелькал передо мной; и слух и взор
Непраздны были; чей-то резвый спор
Мне в треске слышался, и вертограды,
Дворцы, дубравы, горы, водопады
В струях огня живого видел я, —
И что же? вдруг замлела грудь моя;
Из тишины пронесся звук чудесный, —
Не струн ли дух коснулся бестелесный?
Ничуть: сосед на флейте заиграл,
Но огонек мой трепетен и мал,

Но в комнате глубокое молчанье;
Вот отчего кругом очарованье,
Вот отчего протяжной песни гул
Стон сладкогласный мне о том шепнул,
Чему названья нет, чего словами
Не выразить. — «Все это сны, и снами
В спокойный сон ты погрузишь и нас!»
Итак, короче: в тихий, темный час
Сидеть перед камином мне отрадно.
Затем и благо, что, когда прохладно
В беседке стало и завеса тьмы
Простерлась, можем перебраться мы
В гостиную к аптекарю, к камину;
Здесь мы дослушаем, что про судьбину
Нерадостного детства своего
Рассказывает юный гость его.

Егор Львович

Вот так-то я, философ поневоле,
У Чудодея прожил с год. — Доколе
Был жив сосед, бывал тяжел порой,
Бывал порой и сносен жребий мой;
Но смерть нежданно без угроз недуга
Последнего меня лишила друга;
К Степанычу однажды прихожу,
И что же? — труп холодный нахожу:
Вдруг умер, как от пули, старый воин.
И тут-то, признаюсь, я стал достоин
Прямого сожаленья. Чудодей
Отвык страшиться бога, да людей

Еще боялся: мой же благодетель
Сосед Степаныч был живой свидетель,
Как обходился он сперва со мной;
Старик слышал не раз, что сиротой
Я по отце, полковнике, остался;
Итак, при нем Михеич опасался
Сказать мне: «Ты холоп, я барин твой».
Когда ж скончался покровитель мой,
Тогда я из питомцев стал слугой,
Да и каким оборванным, несатым,
Замученным, тогда лишь незабытым,
Как вздумает мучитель вымещать
На мне досаду.

Аптекарьша

Как? а ваша мать

Неужто в год не вспомнила о сыне?

Егор Львович

Ее (потом узнал я) о кончине

Любезнейшего сына Чудодей

Уведомил.

Аптекарьша

Но для каких затей

Он сплел такую ложь?

Егор Львович

Не знаю, право;

Да только неспроста же так лукаво:

Какие у меня бумаги есть,

Сначала спрашивал. Добро, что честь

И честность молодца уже в ту пору

Сомнительны мне были. Аудитору
Я отвечал: «Теперь нет никаких,
Но, буде нужно, тотчас пришлют их».

А сам на чердаке зарыл бумаги.
Поверил он: и трус не без отваги,
Когда бояться нечего, — итак...

Аптекарьша

Закрепостить хотел вас? Вот дурак!

Вот глупо!

Священник

Точно; но судить поостроже:

Не всякий ли, кто долг нарушит, то же?

Платить за что бы ни было душой

(А ею ж грешник платит) — счет плохой.

Егор Львович

Не видя боле никакой причины,

Чтобы скрываться, вовсе без личины

Михеич обойтись положил

И молвил: «Нет охоты, нет и сил

Тебя кормить мне даром. Если хочешь

Не голодать — пускай себя и прочишь

В фельдмаршалы — служи мне. Без слуги

Зачем мне быть?» — И тут же сапоги

Мне отдал чистить.

Саша

Что ж ты, друг мой бедный?

Егор Львович

Сперва я вспыхнул весь, а после, бледный,

Трепещущий от гнева и стыда,

Спросил злодея: «В корпус же когда
Меня вы отдадите?» — «Мне нужда,
Мне выгода большая, мой любезный,
Стараться о тебе! Совет полезный:
То делай, что велят; не то — так вон!» —
С усмешкой отвечал нахальной он
И шляпу взял и вышел. «В самом деле,
Чего мне ждать? — подумал я. — Доселе
Была еще надежда, а теперь...» —
И в дверь; но, несмотря на речи, дверь
Мучитель запер. Что мне делать было?
Бегу к окну и — отошел уныло:
Наш терем был под самым чердаком, —
Пускай бы был немного ниже дом,
Я чисто выпрыгнул бы из окошка,
Да где тут? А к тому ж, хотя и крошка,
Я рассудил, что худо без бумаг:
«Их должно вырыть. Между тем мой враг
Воротится!» — Был труден первый шаг,
Но наконец за рабскую работу
Я принялся. Вот он пришел: заботу,
С какой исполнил я его приказ,
Лукаво похвалил; потом, пролаз,
Про корпус помянул и дал мне слово,
Что станет хлопотать. — Дитя готово
Надеяться и верить; в грудь детей
Не может вкрасться ядовитый змей
Ничем не одолимых подозрений.
Так мудрено ль, что сетью ухищрений

Он вновь меня опутал? — С сего дня
Холопом быть он приучал меня.
Уже и чувств и мыслей униженье
Грозило мне. Когда бы провиденье
Не пробудило духа моего,
Быть может, я дошел бы до того,
Что лучшей и не стоил бы судьбины.
Так мошка рвется вон из паутины,
Но глубже вязнет в гибельной сети:
Пусть даже выбьется, уж и нести
Ее не могут сломанные крылья;
И вот, недвижна, бросила усилья,
Избавиться уж и желанья нет.
Уж без участия я смотрел на свет
И на свободу. Падая, слабея,
Порой я думал: «Кинуть Чудодея?
Но что в огромном городе найду?
К кому прибегну? — Горшую беду,
Наверно, встречу! — Мне ль бродить с сумою?
Чем нищим, все же лучше быть слугою».
И я — но что с тобою, Саша?
Саша
Вздор!
Грусть на меня навел ты, друг Егор.
Егор Львович
Охотно верю: да почти иначе
И быть не может: твердость в неудаче,
В страданьи крепость, мужество в бедах
Для слушателя пир: восторг и страх,

И радость, и печаль, и удивленье
В таком рассказе ускорят биенье
Сердец нечерствых. Но бессилье грех,
Который производит или смех,
Когда не важен случай, или скуку,
Уныние и грусть, когда про муку
Мы слышим и не слышим ничего,
Что бы для нас возвысило того,
Кто мучится.

Саша

А твой Пилад? твой Петя?

Егор Львович

Переменился. Вскорости заметя,
Что совершенно я сравнился с ним,
Он счел ненужным прихотям моим
Так угождать, как угождал дотоле:
«Да чем меня знатнее ты и боле?
По крайней мере, не лакей же я».
Он даже раз мне молвил не тая,
Что все рассказы про мое семейство
Считает сказкой. Кажется, злодейство
Ему скорей простил бы я тогда,
Чем эту выходку. С тех пор вражда
Едва ль не заменила между нами
Бывалой дружбы. Между тем за днями
Тянулись дни; я стал угрюм и тих;
Последний блеск погас в глазах моих;
Как груз меня давила жизнь. — Однажды
(К развязке приближаюсь) бесу жажды

Неистовый Михеич приносил
Усердно жертвы и тем боле сил
Ей придавал, чем боле в горло лил;
Он обо мне в подобном исступленьи
Не помышлял, а в важном размышленья
Просиживал по суткам где-нибудь,
Вздыхал и облегчал икотой грудь
И с видом совершенного незлобья
На небо очи перил исподлобья. —
Вот третий день почтенный ментор мой
Не мыслит даже приходить домой.
Когда бы мне хоть хлеб сухой оставил,
Я не роптал бы, что меня избавил
От сладостной своей беседы. — Но...

Аптекарьша

От сладостной своей беседы!

Егор Львович

Вам смешно?

Клянуся: вовсе не смешно мне было.

Я голодал, а на меня уныло

Глядел мой голубок: уж и его

Я не кормил. С неделю до того

Меня спросил Петруша: голубочка

Я не продам ли? Если бы не бочка

Большая на дворе (за нею плут

Успел укрыться), я Петрушу тут

Прибил бы за такое предложенье.

Свое единственное наслажденье,

Свою отраду мне ему продать!

И это смеет он мне предлагать,
Он, сын мужицкий, уличный мальчишка!
То было спеси умиравшей вспышка,
Ее живой, да и последний свет;
Но он потух, но уж и дыму нет:
Не свой брат голод. — Грустью отягченный,
Свирепую нуждою побежденный,
По тягостной борьбе схожу с крыльца
И — к Пете. Бледность моего лица
Петрушу поразила: «Да что с вами? —
Сказал он мне и на меня глазами
Взглянул, в которых не было следа,
Что помнит нашу ссору. — Мне беда,
Когда увижу в ком-нибудь кручину!
Егорушка, нельзя ль узнать причину
Печали вашей? Не больны ли вы?»
— «Нет, Петя! Только от своей совы,
От филина лихого, Чудодея,
Мне голубка не спрятать... - так, робея,
Промолвил я. — Возьми его себе:
Уж лучше друга уступлю тебе,
Чем...» — досказать хотел я; сил не стало.
Обрадовался Петенька немало
И мне полтину отсчитал тотчас.
Напрасно останавливать мне вас
На том, что ощущал я при разлуке
С любимцем; верьте, даже и о муке
Голодного желудка я совсем
Было забыл. — «На, Петя! только с тем,

Чтоб ты любил его, берег и холил!
Да чтоб и мне хоть изредка позволил
Кормить его!» — шепнул я, наконец.
«Пожалуй! — да не бойтесь: молодец
Сыт будет и у нас». «Так, так! сытее,
Чем у меня!» — я думал, и скорее
Отворотился, чтоб тоски моей
Не видел мальчик: слезы из очей
Уж брызнули. Но, голодом томимый,
Я вновь услышал вопль неумолимый,
Который стоны скорби заглушил:
Я со двора за хлебом поспешил,
И вот купил на всю полтину хлеба
И возвращался. Блеск и ясность неба,
Рабочих песни, над Фонтанкой шум
И крик веселый бремя мрачных дум
С души моей снимали; на ходу я
И голод утолил. Грустя, тоскуя,
Но мене, медленно я шел домой:
Все радостно светлело надо мной,
Кругом меня все двигалось, все жило,
Все было счастливо. Я о перило
Оперся, стал и в зеркало воды
Глядеться начал. «Горя и нужды
Мне долго ль жертвой быть?» — я мыслил; что же?
Вдруг хлеб мой бух в Фонтанку! «Боже! боже!» —
Я вскрикнул и — за ним! Схватить ли мне
Хотелось или... Как о страшном сне,
Так чуть мне помнится о том мгновеньи;

Но предо мною и в глухом забвеньи
Какие-то ужасные мечты
Мелькали, будто в бездне темноты,
В ненастной ночи частые перуны;
И, мне сдавалось, лопнули все струны
Растерзанного сердца моего...
Потом уж я не взвидел ничего.
«Что? жив ли?» — вдруг в ушах моих раздалось,
И — холодно мне стало: возвращалось
Мое дыханье; я открыл глаза...
Сперва (и смутно) только небеса
Увидел, узнавал я над собою;
Но вот заметил, что народ толпою
Стоит кругом, что где-то я лежу
На камнях. Поднимаюсь и гляжу,
Но все еще каким-то плеском шумным
Я оглушен и с взором полоумным
Без мыслей спрашиваю: «Где я?» — «Где?
На набережной ты, а был в воде», —
Так голос тот, который и сначала
Мне слышался. Смотрю — и генерала
Какого-то я вижу: весь седой,
Однако бодрый, с Аннинской звездой,
С Георгием, старик передо мной,
Исполненный участия и заботы,
Стоял и напоследок молвил: «Кто ты?» —
"Егор Е...вич». — «Ты Е...вич? нет?
Неужто!» — «Точно так» — был мой ответ.
«Сын Льва Егорыча?»-«Его». И, бледный,

Он отошел со мною. «Мальчик бедный!
Не бойся, говори! с отцом твоим
Служил я; правда, мы расстались с ним
Давненько, братец, да во время службы
Друзьями были; не забыл я дружбы,
Услуг, прямого нрава старика!»
Рассказывать я начал; он слегка
Покачивал в раздумьи головою
И пожимал плечами, а порою
И взглядывал на небо. Кончил я;
Он молвил мне: «Егор, судьба твоя
Должна перемениться; свел с тобою
Меня недаром бог: тебя пристрою,
Определю тебя. Мне недосуг,
Но по тебя сегодня же, мой друг,
Заеду я, а между тем покушай.
(И втер мне в руку деньги.) Да послушай,
Благодари небесного отца:
От грешного, ужасного конца,
От гибели господь тебя избавил.
Прощай! — садясь на дрожки, он прибавил, —
И жди меня».

Саша

Ну, слава богу, — ты,
Я думаю, теперь из темноты
На свет же выдешь, и, признаться, — время.
Меня давил рассказ твой, словно бремя:
Бедняжка, сколько ж ты перетерпел!
Егор Львович

Довольно; но страдания удел
Не всех ли здесь в подлунной?

Саша

Мене, боле,

По мере нужд и сил, а вышней воле
Угодно так из века, чтобы мы
Все пили чашу горя. После тьмы
И солнце кажется на небе краше,
И только после скорби сердце наше
Всю благодать бога чувствует вполне.

Егор Львович

Немного досказать осталось мне.
Приехал вечером мой избавитель
И взял меня. Он, счастливый родитель
Детей прекрасных, счастливый супруг,
Меня, одев получше, ввел в их круг.
«Вот братец вам», — промолвил он, и братья
С младенческой радостью в объятья
Пришельца приняли; его жена
Мне стала матерью: добра, нежна,
Заботлива, меня ни в чем она
От собственных детей не отличала.
Вот так-то жил я в доме генерала,
Пока меня не отдал в корпус он.
Но до того еще однажды стон
И слезы мне послало провиденье:
Мы скоро получили извещение,
Что матушка скончалась, и по ней
Я долго плакал.

Аптекарьша

А ваш Чудодей?

Егор Львович

Про Чудодея ничего не знаю,

Да виделся же с ним, так <- — - >.

Второй отец мой, добрый генерал:

Был именинник я, и он позвал

Меня в свой кабинет; иду — и что же?

Там ждал меня подарок — боже! боже!

Мои часы, часы, по коим я

Тужил и в счастье! — вот они, друзья.

Он снял часы; рассматривать их стали,

И кончил про минувшие печали

Наш юный витязь длинный свой рассказ.

Совсем ли потеряю я из глаз

Егора Львовича? Еще ли раз

С ним встретимся? — А ныне надо мною

Мечты иные резвою толпою

Поют и выются: к ним склоняю слух...

Над древней Русью носится мой дух...

Не улетай же, легкий рой видений,

Народ воздушный, племя вдохновений!

Пусть в тело вас оденет звучный стих,

Раздался гром над морем нив сухих;

Так! собирается гроза в лазури...

Но не расторгло бы дыханье бури

Напитанных обильем облаков!

Но не развеяло бы вещей снов

Дыханье жизни хладной и суровой!

О! если бы желанною обновой
Обрадовал меня и оживил
Мой верный пестун, ангел Исфраил!

1833-1834